

го не нужно спускать глаз; постараюсь это прекратить».¹⁴⁰ В ноябре того же года рефлектирует по поводу того, что в его натуре нет «порыва и огня», и пишет о благотворном влиянии Толстого: «Не имея положительных качеств, я решил заботиться об отрицательных (...) На усилия, на крутые повороты я неспособен, но знаю, что постоянно держась одной мысли, одного пути, могу дойти до чего-нибудь хорошего. Я стал несравненно спокойнее, чем был, и все благодаря Вам и чтению монашеских книг. Правда, это спокойствие беспрестанно нарушается и опять приходится бороться; но колебания эти далеко не так мучительны, как бывали».¹⁴¹

Избрав Толстого своим духовником, Страхов присылает ему изредка покаянные бюллетени. В 1884-м: «Покаюсь Вам, бесценный Лев Николаевич, я поддавался новым гадостям, которые открылись у меня в душе, боролся с ними, но очень мучился и унывал. Почему-то на этот раз мне было совершенно ясно, что я в глубине души очень пошл и дурен»; «Мне все кажется, что по мере того, как я подавляю в себе одни дурные стороны, нарождаются или появляются другие».¹⁴² В 1887-м: «Хочу покаяться перед Вами. Все это время, весну и лето, я чувствовал себя таким дурным, что готов был у всех просить прощения, готов был ото всех убежать куда-нибудь. Меня давила непобедимая тяжесть (...) Вы справедливо запрещаете тосковать, и я знаю, в таких случаях, что душа моя болеет от своей нечистоты (...) Всеми силами я стараюсь меньше копать с собой и меньше занимать собою других; но это не всегда удается, и я должен просить прощения и за свою деревянность в Ясной Поляне и за свои теперешние изливания».¹⁴³

Казалось бы, все более или менее устоялось или «образовалось», и по знакомой уже колее продолжилась переписка между Толстым и Страховым, в основном деловая, профессиональная, с довольно редкими и однообразными, становящимися постепенно почти формальными личными признаниями критика, смиренно и с благодарностью воспринимавшего все (или, точнее, многое — неоднократно он и осторожно полемизировал), что писал и говорил Толстой. Но смирения явно не было в вечно рефлектирующей, темной, интровертной натуре Страхова, самолюбие которого бунтовало против того, что навязывалось извне. Он болезненно воспринимал мнения о себе современников. Больно задела Страхова слова Василия Розанова, с которым у него были добрые отношения (Розанова не жаловали в Ясной Поляне), в рецензии на книгу «Мир как целое», в которой Розанов упрекал автора в том, что тот «не договаривает своих мыслей до конца», не желает «обнаруживать самые заветные из своих убеждений перед толпой». Эту и другую, большую цитату из рецензии Страхов приводит в письме Толстому от 24 августа 1892 года: «У г. Страхова есть, по-видимому, некоторое недоверие к своим читателям, и, желая влиять на них, говоря все, что могло бы наилучше образовать их ум и сердце, он не говорит еще самого интересного, что они могли бы узнать от него. То, что вызывалось в давние годы необходимостью, потом стало уже привычкой. Но для читателя сочинений его, для понимающего их смысл и значительность, всегда остается печальным, что между ним и множеством людей никогда не будет совершенно отброшена разделяющая завеса, что некоторая пленка благоразумия всегда будет удерживать и его и других на почтительном расстоянии от того, к кому они и могли бы, и хотели бы быть гораздо ближе».¹⁴⁴

¹⁴⁰ Там же. С. 607.

¹⁴¹ Там же. С. 624.

¹⁴² Там же. С. 665, 674.

¹⁴³ Там же. С. 751.

¹⁴⁴ Там же. С. 909.